Корубло Новая книга о М-чи.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Egz. archiwalny 131

Вышелъ 1-го сентября.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕСЯТЫЙ.

1890.

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

INSTYTUT
BADAŃ LITER[illegible]ICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

http://rcin.org.pl

XIV. ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ. Причины нашей задолженности. С. П. Давыдова.

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Новая конверсія. — Обращеніе кредитныхъ билетовъ въ Финляндіи. — Повышеніе таможенныхъ пошлинъ. — Толки по поводу новаго таможеннаго закона. — Настоятельность конверсіи внутреннихъ займовъ. — Путешествіе министра финансовъ. — Пожары. — Неизбѣжность государственнаго страхованія. — Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Литвѣ.

XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. С.-Петербургъ, 20-го августа (1-го сентября) 1890 г. С. С. Татищева.

XVII. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. Проектъ статсъ-секретаря Г. И. Вилламова въ 1804 г. о закрытіи воспитательныхъ домовъ въ Россіи. (Сообщ. Е. И. Шумигорскаго).

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ. Часть третья.

Ф. Ансти.

II.

ДВА БРАТА.

Романъ **Р. Л. Стивенсона.** (Окончаніе).

8392
http://rcin.org.pl

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕСЯТЫЙ.

1890.

Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1890.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Ze zbiorów I. J. Michalskich

Новая книга о Мицкевичѣ.

Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣлъ Мицкевичъ на духовное развитіе польскаго образованнаго общества новѣйшаго времени. Причина этого лежитъ не въ одной лишь силѣ творческаго генія поэта, но главнымъ образомъ въ томъ, что онъ— писатель, жившій интересами, которые доселѣ продолжаютъ волновать его единоплеменниковъ. Нисколько неудивительны поэтому воздаваемыя ему поляками почести, достигшія апогея въ совершившемся недавно торжествѣ перенесенія праха поэта въ Краковскій каѳедральный соборъ—пантеонъ польскихъ знаменитостей. Торжество прошло не такъ замѣтно, какъ этого хотѣлось его устраивателямъ, желавшимъ придать ему значеніе обще-славянскаго праздника. Несмотря на всѣ старанія, оно носило на себѣ характеръ исключительно польскій, можно сказать семейный.

Недавно вышелъ первый томъ сочиненія сына поэта, Владислава Мицкевича: „z̄ywot Adama Mickiewicza podlug zebvanych przez siebie“. Имъ мы теперь и займемся.

Имѣли ли основаніе соотечественники поэта къ приданію затѣянной ими манифестаціи значенія событія, долженствовавшаго имѣть цѣну и не для поляковъ? Въ чемъ выразилось вліяніе Мицкевича на прочихъ славянъ? Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ для всякаго безпристрастнаго изыскателя не будетъ затруднителенъ. Можетъ быть и наступитъ время, когда писатель, принадлежащій къ одной изъ славянскихъ національностей, будетъ по духу своихъ произведеній роднымъ всей славянской расѣ. До этого, однако, еще не дошло. Менѣе всего можетъ претендовать на это значеніе Мицкевичъ, проникнутый насквозь тенденціями и предразсудками исклю-

http://rcin.org.pl

чительно польскими. Они мѣшали ему быть безпристрастнымъ цѣнителемъ интересовъ остальныхъ представителей славянства, и дѣлали его въ отношеніи къ нимъ равнодушнымъ. Конечно, и у него являлись фразы о солидарности и братской любви славянъ и о будущности ихъ. Но эти фразы надобно понимать также точно, какъ и аналогическія фразы въ устахъ большинства прочихъ образованныхъ поляковъ. Когда приходится видѣть примѣненіе ихъ на дѣлѣ, является весьма непривлекательная картина. Стоитъ лишь взглянуть на современныя отношенія народностей въ Галиціи, гдѣ явилась теперь возможность полякамъ хозяйничать по своему произволу, чтобы видѣть, какъ понимаютъ они равноправность славянскихъ племенъ и склонны удовлетворить ихъ наиболѣе справедливымъ притязаніямъ. Такова пресловутая свобода, борцемъ за которую является въ глазахъ Мицкевича Польша, святотатственно сравниваемая съ Мессіей, жертвующимъ собою на пользу человѣчества.

Все это хорошо извѣстно, но попытки туманить неопытныхъ продолжаются энергически, и доселѣ польское общество, по-прежнему, продолжаетъ разсылать повсюду пропагандистовъ, заботящихся на словахъ о нуждахъ ихъ славянскихъ собратій, на дѣлѣ же преслѣдующихъ исключительно узко-понимаемые ими интересы польской національности. Агенты эти надѣваютъ на себя какой угодно костюмъ. Они и либералы, и даже демократы соціалистическаго оттѣнка тамъ, гдѣ имъ это нужно, и клерикалы, работающіе на пользу уніи на Балканскомъ полуостровѣ. Они защитники юго-славянскихъ народовъ, заботящіеся объ ихъ политическомъ и духовномъ возрожденіи, и въ то же время задушевные друзья венгерцевъ, этихъ злѣйшихъ враговъ славянства. Въ одномъ только отношеніи польское общество продолжаетъ быть неуклонно послѣдовательнымъ. Это въ обнаруженіи упорной злобы къ политическому могуществу Россіи, для нанесенія удара которому считаются позволительными всѣ средства. Конечно, поляки не прочь заигрывать и съ нашими либералами, имѣя въ виду завѣтную мечту—раздоръ и путаницу въ умахъ русскаго общества. Но какъ скоро замѣчается, что кто-либо, осыпаемый ихъ льстивыми похвалами, не поддается на удочку и изъ-за абстрактныхъ теорій не считаетъ нужнымъ желать уничтоженія того, что нужно намъ для спокойнаго и обезпеченнаго отъ вмѣшательства иностранныхъ эксплоататоровъ устроенія нашего внутренняго

http://rcin.org.pl

быта, тонъ перемѣняется. Вчерашній другъ, почтенный *россіянинъ*, превращается въ *москаля*, т. е. злѣйшаго врага.

Все это, къ сожалѣнію, очень хорошо извѣстно, и потому мы не можемъ представить себѣ, что хотѣла собственно выразить на краковскомъ торжествѣ какая-то депутація русскихъ писателей. Признаемся, мы не завидуемъ положенію ея на этомъ праздникѣ. Полагаемъ, что и многіе изъ болѣе откровенныхъ членовъ краковской интеллигенціи съ трудомъ удерживались, при видѣ ея, отъ иронической улыбки и готовы были на предлагаемыя имъ нашими идеологами братскія объятія произнести привычную фразу: „Будемъ любить другъ друга [1]), но только каждый, оставаясь у себя дома“.

Пусть не обвинитъ насъ кто-либо во враждѣ къ польскому обществу, подпавшему подъ вліяніе эмиграціонной прессы. Остальной части его мы здѣсь не касаемся. Мы желаемъ отъ всей души прекращенія національной вражды и предразсудковъ, желали бы совмѣстной согласной дѣятельности на культурномъ поприщѣ. Но, не при осуществленіи польской программы, т. е. притязаній, унаслѣдованныхъ отъ невозвратимаго прошедшаго, а во имя живыхъ интересовъ дѣйствительности. Русское общество никогда не желало, чтобы поляки въ союзѣ съ ними играли роль какихъ-то порабощенныхъ. Видятъ ли поляки, живущіе у насъ, какую-нибудь вражду и желаніе обособленія? Если они жалуются на исключительныя политическія мѣры, стѣсняющія многихъ изъ нихъ, то мы не виноваты въ этомъ. Мы рады бы были, чтобы въ этихъ мѣрахъ не было необходимости, но отъ кого же это зависитъ, если не отъ самихъ поляковъ? Пусть они искренно подадутъ руку во имя забвенія прошедшаго и въ тотъ день, когда придется убѣдиться въ дѣйствительности этого факта, не будетъ радъ лишь врагъ русскаго народа. Мы твердо убѣждены, что этотъ день когда-либо наступитъ, ибо вѣруемъ въ окончательное торжество правды и здраваго смысла. Поэтому можемъ безъ увлеченій относиться какъ къ настоящему столь неудовлетворительному еще и недостойному, по нашему мнѣнію, нравственной поддержки положенію сношеній между двумя братскими народами, такъ и тѣмъ обстоятельствамъ въ прошедшемъ, которыя къ этому отношенію привели.

---

[1]) Kochajmy się—извѣстный польскій застольный тостъ.

http://rcin.org.pl

Важно, однако, понять и уяснить эти послѣднія обстоятельства, и потому желательно бы было, чтобы безпристрастная историческая оцѣнка болѣе занялась ими. Къ сожалѣнію, въ этомъ чувствуется еще большой недостатокъ въ нашей литературѣ. Разумѣется, всестороннее и правильное изъясненіе столь важнаго вопроса требуетъ весьма значительной подготовки и таланта. Но мы полагаемъ, что и болѣе скромная задача, имѣющая въ виду поддерживать въ обществѣ вниманіе къ живо интересующему насъ вопросу, была бы не безполезна. Пусть и та часть нашей публики, которая не посвящала себя обстоятельному изученію нашего новѣйшаго быта, выяснитъ хотя отчасти, откуда и какимъ образомъ развивались вредныя начала.

Исходя отъ подобной точки зрѣнія, мы, въ виду недавно празднуемой дѣятельности Мицкевича, считаемъ не лишнимъ представить очеркъ событій, бросающихъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны его поэтическихъ произведеній. Мы ограничимся лишь временемъ пребыванія его въ предѣлахъ нашего отечества до 1829 г., коего касается названная нами книга, ибо въ то время успѣла уже достаточно сформироваться и окрѣпнуть тенденція, легшая въ основу его воззрѣній на отношенія поляковъ къ русскимъ, воззрѣній, которыхъ не успѣли разрушить дружескія отношенія къ выдающимся въ то время представителямъ нашей литературы и которыя поэтъ завѣщалъ своимъ землякамъ къ большему, какъ смѣемъ полагать, вреду сихъ послѣднихъ [1]).

---

[1]) „Materyalow oraz z wlasnych wspomnien". Къ сожалѣнію, это сочиненіе вводитъ въ обманъ своимъ заглавіемъ. Оно содержитъ въ себѣ мало новыхъ извѣстій, собранныхъ авторомъ и заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ напечатанной уже прежде переписки поэта и его пріятелей, а также свѣдѣній, уже сообщенныхъ ранѣе въ польскихъ и русскихъ изданіяхъ. При этомъ нельзя не замѣтить тенденціозности автора, яраго польскаго патріота въ извѣстномъ направленіи и скороспѣлости его работы. Не рѣдко факты, имъ выставляемые, противорѣчатъ другъ другу. Непріятно поражаетъ также и задорный тонъ автора, предпочитающаго осыпать ругательствами тамъ, гдѣ слѣдовало бы еще доказывать. Таковы напр. помѣщенные у него отзывы о гг. Шолковичѣ и Вержбовскомъ, сочиненія которыхъ болѣе безпристрастными польскими писателями считаются полезными для изученія біографіи Мицкевича.

http://rcin.org.pl

Адамъ Мицкевичъ родился 24 декабря 1798 г., въ небольшой родовой усадьбѣ „Заосье“, расположенной въ окрестностяхъ уѣзднаго города Минской губерніи Новогрудка. Въ этомъ имѣніи онъ провелъ первые годы своего дѣтства, пока обстоятельства не заставили родителей переѣхать въ Новогрудокъ, гдѣ у нихъ былъ собственный домъ. Здѣсь молодой Адамъ и поступилъ въ 1807 г. въ уѣздное училище, содержимое подъ правительственнымъ надзоромъ монахами мѣстнаго Доминиканскаго Монастыря. Поэтъ былъ вторымъ изъ пяти братьевъ, изъ которыхъ младшій умеръ въ малолѣтствѣ [1]).

Родители Мицкевича отличались польскимъ патріотическимъ настроеніемъ, т. е., иначе говоря, вздыхали по старымъ, исчезнувшимъ формамъ быта Рѣчи Посполитой. Нерасположенность къ Россіи въ семействѣ была наслѣдственной: прадѣдъ Адама былъ ревностнымъ приверженцемъ короля Станислава Лещинскаго, а дѣдъ сторонникомъ Барской конфедераціи и врагомъ Понятовскаго. Отецъ поэта въ молодые свои годы принималъ участіе въ возстаніи Литвы противъ русскихъ войскъ, связанномъ съ именемъ Костюшки. Оттого ему неразъ приходилось потомъ опасаться, такъ какъ слѣдствіе, разыскивавшее агентовъ революціи, которые вынуждали жителей доставлять повстанцамъ съѣстные припасы, было не окончено и къ 10 годамъ настоящаго столѣтія. Лишь надежды на успѣхи Наполеонова оружія придавали старику бодрость. Онъ не успѣлъ, однако, насладиться мечтой близкаго освобожденія Литвы отъ

---

[1]) Изъ братьевъ Адама Мицкевича извѣстенъ русской публикѣ лишь одинъ—Александръ, бывшій профессоромъ римскаго права въ Кременецкомъ лицеѣ, Кіевскомъ, и, наконецъ, Харьковскомъ университетѣ. Вышедши въ отставку за выслугой срока, онъ поселился на родинѣ, гдѣ и умеръ. Объ Александрѣ Мицкевичѣ сохранились между харьковскими студентами воспоминанія, какъ о трудолюбивомъ и талантливомъ преподавателѣ, и человѣкѣ ума весьма практичнаго. Послѣднее обстоятельство отразилось отчасти и на изысканіяхъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ біографіи его брата. Долгое время не знали утвердительно, гдѣ родился Адамъ Мицкевичъ, въ Заосьи ли или въ Новогрудкѣ. Бывшій Харьковскій профессоръ хотя и зналъ хорошо обстоятельства этого факта, но предпочиталъ оставлять публику въ невѣдѣніи. Потомъ открылось, что онъ мечталъ купить Заосье, перешедшее въ чужія руки, и боялся, что оглашеніе факта рожденія Адама Мицкевича въ Заосьи сдѣлаетъ эту усадьбу интересной для польскихъ патріотовъ и тѣмъ подыметъ цѣну имѣнья. См. объ этомъ въ Pam. Towarz. Liter. imienia Ad. Mick. T. I.

http://rcin.org.pl

русскаго владычества, ибо умеръ въ маѣ 1812 года, ровно за мѣсяцъ до вступленія французской арміи въ русскіе предѣлы.

Такимъ образомъ, уже въ самые ранніе годы дѣтства, Адамъ Мицкевичъ могъ усвоивать нерасположеніе къ русскому правительству и къ представлявшимъ его русскимъ чиновникамъ и военнымъ. Тѣми же чувствами были проникнуты и товарищи его по воспитанію въ училищѣ, усвоивавшіе сѣмена непріязни дома и нисколько не исправляемые въ этомъ отношеніи воспитаніемъ въ школѣ. Въ Новогрудскомъ училищѣ, подобно тому, какъ и въ двухъ подобныхъ заведеніяхъ Западнаго края, учащіе нравственнымъ идеаломъ для питомцевъ выставляли подвиги героевъ Рима и старинной Польши. Воспитанникамъ упоминаемаго училища монахи предоставили нѣчто въ родѣ самоуправленія, а именно собственный судъ надъ проступками нарушенія школьной дисциплины. Судъ этотъ, постановленія котораго приводились начальствомъ въ исполненіе, былъ устроенъ по образцу старинныхъ польскихъ судовъ съ выбранными самими учащимися президентомъ и судьями, словеснымъ судоговореніемъ, адвокатскими рѣчами и т. д. Крайне неумѣстными, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи молодежи, кажутся намъ и забавы молодежи, а именно устройство потѣшныхъ военныхъ отрядовъ, вооруженныхъ дѣтскимъ оружіемъ на счетъ монастыря и обучаемыхъ военнымъ экзерциціямъ. Эти забавы привели, наконецъ, къ оскорбленію однимъ изъ учениковъ русскаго драгунскаго офицера, послѣдовавшему затѣмъ столкновенію ученическаго войска съ русскими солдатами и освобожденію учениками арестованныхъ полиціей товарищей. При этомъ, солдатамъ пришлось штурмовать защищаемую учениками монастырскую ограду. Понятно, что послѣ этого опасную забаву попросили прекратить.

Нисколько послѣ этого не покажется удивительнымъ, что уже чуть-ли не первое поэтическое произведеніе Адама Мицкевича отличалось враждебнымъ настроеніемъ по отношенію къ русскимъ—это было описаніе въ стихахъ сильнаго пожара, отъ котораго въ 1810 г. сгорѣло въ Новогрудкѣ десятка съ полтора домовъ и костелъ св. Николая. Описывая несчастіе, юный авторъ не могъ удержаться и отъ сатирическаго изображенія расквартированнаго тогда въ городѣ Павлоградскаго гусарскаго полка и выходокъ противъ нелюбимаго жителями полиціймейстера, отставнаго полковника и бывшаго Суворовскаго служаки Гресевицкаго и подчиненныхъ ему чиновъ. Въ

http://rcin.org.pl

сгорѣвшемъ костелѣ былъ спрятанъ тайный патріотическій архивъ, хранившій, какъ сообщается въ дневникѣ старшаго брата Адама, тайну сношеній бѣлаго орла съ погоней (Литовскій гербъ). Его удалось спасти и припрятать вновь въ неменѣе надежное помѣщеніе, т. е., въ квартирѣ родителей поэта.

Въ событіяхъ 1812 года, увлекшихъ въ ряды побѣдоноснаго Наполеонова воинства многочисленную литовскую молодежь (въ одномъ Виленскомъ университетѣ болѣе 400 слушателей, принадлежавшихъ къ наиболѣе извѣстнымъ въ странѣ семействамъ, искали чести воевать съ русскими подъ знаменемъ Наполеона), Мицкевичъ, по своей молодости, не могъ принять участія. Разумѣется, что горячія симпатіи его сопровождали французовъ въ ихъ походѣ, столь много обѣщавшемъ въ началѣ и такъ трагически окончившемся [1]). Объ ученіи, конечно, тогда и думать было нечего. Оно возобновилось лишь по минованіи грозы, и 29 іюня 1815 года Мицкевичъ окончилъ курсъ наукъ въ училищѣ. Немедленно отправился онъ послѣ того въ Вильно, гдѣ и поступилъ въ число студентовъ университета.

Въ университетѣ задачи, осуществленію которыхъ поэтъ посвятилъ дѣятельность всей своей жизни, выяснились въ его головѣ окончательно. Задачи эти сынъ и біографъ поэта характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ грома Наполеоновыхъ битвъ наступила наружная тишина. Но она была недолговременна, ибо всякое поколѣніе юныхъ поляковъ это подрастающій Давидъ. Едва онъ достигаетъ лѣтъ, дающихъ ему возможность владѣть пращей, какъ уже стремится отыскать камень, чтобы имъ поразить Голіаѳа. Слова эти, къ сожалѣнію, представляютъ довольно вѣрную характеристику молодаго поколѣнія въ Литвѣ во время, наступившее вслѣдъ за 1815 годомъ.

Виленскій учебный округъ состоялъ подъ управленіемъ князя Адама Чарторійскаго, друга молодежи и вдохновителя филантропическихъ и полонофильскихъ идей Императора Александра Павловича. Учебная система въ округѣ была его созданіемъ и при осуществленіи ея онъ руководился стремлені-

---

[1]) Мицкевичъ во всю свою жизнь былъ поклонникомъ Наполеона. Это мало говоритъ за него, какъ пѣвца свободы, но нисколько неудивительно въ тогдашнемъ полякѣ. Увлеченіе его въ молодости доходило до того, что онъ во время мvропомазанія, когда къ крестному имени прибавляютъ у католиковъ новое, избралъ для себя имя Наполеона

http://rcin.org.pl

ями, которыя въ настоящее время слишкомъ хорошо извѣстны намъ и потому не требуютъ здѣсь объясненія. Съ желаніемъ своимъ упрочить за общественнымъ воспитаніемъ въ округѣ католическо-польскій національный характеръ князь соединялъ крайнюю осторожность, ибо боялся вмѣшательства вел. кн. Константина Павловича, которому порученъ былъ Государемъ верховный надзоръ за администраціей и учебнымъ дѣломъ въ западныхъ губерніяхъ имперіи. Тогдашній виленскій генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ (извѣстный участникъ Швейцарскаго похода 1799 года) и прочія административныя власти были вел. князю подчинены и внимательно контролируемы. Въ этомъ Константину Павловичу помогалъ извѣстный Новосильцовъ, бывшій тогда при особѣ вел. кн. въ качествѣ посредника между нимъ и высшими правительственными сферами въ С.-Петербургѣ.

Среднія учебныя заведенія округа, какъ и въ остальной тогдашней европейской Россіи, находились въ завѣдываніи университета, и потому ректоръ послѣдняго былъ ближайшимъ помощникомъ попечителя по отношенію къ управленію округомъ. Въ Вильнѣ, гдѣ значеніе ректора возвышалось тѣмъ, что кн. Чарторійскій жилъ постоянно въ своемъ Пулавскомъ имѣніи въ Царствѣ Польскомъ (нынѣшняя новая-Александрія), должность эта съ ноября 1816 г. была занята избраннымъ профессорскимъ совѣтомъ и утвержденнымъ правительствомъ профессоромъ естественнаго права и политической экономіи Симономъ Малевскимъ. Это была личность, весьма близко подходящая къ системѣ дѣйствій Чарторійскаго. Крайне осторожный и трусливый, онъ тѣмъ не менѣе сочувствовалъ молодежи и находился подъ вліяніемъ сына своего Франциска, послѣдній же былъ пылкая голова изъ числа наиболѣе увлекавшихся [1]). Малевскій, хотя и зналъ духъ молодежи, заботился лишь о томъ, чтобы не выносили сору изъ

[1]) Францискъ Семеновичъ Малевскій, пріятель Ад. Мицкевича съ университетской скамьи и не отступный сожитель его во время пребыванія въ Россіи. Онъ женился потомъ на Еленѣ Шимановской, сестрѣ жены поэта, и умеръ въ 1870 г. въ званіи тайнаго совѣтника и старшаго чиновника II отд. канц. Е. И. В. Фр. Малевскій былъ даровитый юристъ, приготовлявшійся въ молодости къ занятію университетской каѳедры. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ заграницу для усовершенствованія въ наукахъ, но по требованію вел. князя Константина Павловича препровожденъ подъ конвоемъ въ Варшаву, какъ заподозрѣнный въ участіи въ тайномъ политическомъ обществѣ.

http://rcin.org.pl

избы и чтобы не доходили до какихъ-нибудь безразсудныхъ выходокъ, могущихъ подвергнуть опасности существованіе университета.

Изъ профессоровъ большинство состояло изъ заслуженныхъ стариковъ или людей, боявшихся рисковать своимъ служебнымъ положеніемъ; таковыми были напримѣръ: Андрей Снядецкій, ботаникъ Юндзиллъ, богословы Клангевичъ и Ходани, преподаватель польской словесности Леонъ Боровскій и многіе другіе. Они ограничивались выполненіемъ своихъ непосредственныхъ обязанностей по чтенію лекцій и избѣгали домашняго знакомства съ слушателями. Осторожность нѣкоторыхъ простиралась до того, что, напримѣръ, Юндзиллъ не пускалъ студентовъ въ ботаническій садъ.

Но были между профессорами и люди противуположнаго образа дѣйствій, не удалявшіеся отъ патріотической пропаганды между молодежью и сношеній съ нею. Между ними выдавались Лелевель (извѣстный польскій историкъ и революціонный дѣятель 1830 года) и адъюнктъ на словесномъ факультетѣ Казиміръ Контримъ. Послѣдняго нѣкоторые изъ современниковъ (какъ, напримѣръ, Юндзиллъ въ своихъ запискахъ) и позднѣйшихъ изслѣдователей прямо обвиняли въ поджиганіи молодежи и въ иниціаторствѣ по составленію въ ея средѣ тайныхъ обществъ. Вл. Мицкевичъ, на основаніи словъ Киркора и другихъ польскихъ писателей, силится опровергнуть это обвиненіе, но приводимые имъ аргументы весьма не убѣдительны. Участіе Контрима въ Виленскомъ масонствѣ и въ литературномъ обществѣ извѣстно. Масоны и шубравцы были приверженцами космополитической философіи XVIII вѣка, и потому между ними и охватившимъ молодежь патріотическимъ движеніемъ не могло быть, говорятъ, ничего общаго. Но это не совсѣмъ такъ, ибо не тайна ни для кого, что нѣкоторыя варшавскія масонскія ложи того времени усвоили исключительно польскую программу стремленій. Масонство здѣсь было лишь ширмой, для того чтобы отвлечь вниманіе правительства, еще разрѣшавшаго въ то время образованіе масонскихъ ложъ. А между тѣмъ эти псевдо-масоны были въ сношеніяхъ съ виленской молодежью и стремились увлечь ее въ свое движеніе [1]). Есть еще другое обстоятель-

[1]) См. мѣсто въ примѣч. къ 35 стр. Zywot Ad. Mick. ibid. стр. 32, 165 и 197. Влад. Мицкевичъ говоритъ, что молодежи были противны смѣшныя и устарѣвшія символическія формы масоновъ, но въ собра-

http://rcin.org.pl

ство, которое усиливаетъ подозрѣніе на счетъ участія Контрима. Оказывается, что главный коноводъ патріотическаго движенія, студентъ Ѳома Занъ жилъ въ его домѣ въ качествѣ репетитора.

Этотъ-то Занъ и пятеро другихъ студентовъ университета, а именно Адамъ Мицкевичъ, Іосифъ Ежовскій, Францискъ Малевскій, Янъ Чечотъ и Онуфрій Петрашкевичъ основали въ Вильнѣ столь прославленное впослѣдствіи тайное общество студентовъ, извѣстное подъ именемъ филоматовъ, т. е. друзей науки. Это произошло 1 октября 1817 г. Цѣль общества была политическая, а именно приготовленіе къ будущему народному возстанію. Вотъ въ какихъ словахъ опредѣляетъ ее Владиславъ Мицкевичъ: „Возвышенный умъ Зана видѣлъ, что университетъ долженъ былъ быть не однимъ лишь очагомъ науки. Надежды, возлагаемыя поляками на Императора Александра I, не осуществились, и потому корона (то-есть Царство Польское) не сводила взора съ своихъ полковъ, которые подъ знаменемъ Наполеона одержали столько побѣдъ и, казалось, обѣщали новыя торжества подъ народнымъ штандартомъ. Могла ли поэтому и Литва сидѣть съ сложенными руками, въ ожиданіи, пока Польша начнетъ бой. Нужно было готовиться и наблюдать, выбирать и приготовлять людей. Въ этомъ состояла задача филоматскаго общества.

Филоматы обязаны были, подъ присягой, въ теченіе всей жизни работать на пользу отечества, науки и добродѣтели, а также вліять совѣтомъ и примѣромъ какъ на своихъ товарищей въ университетѣ, такъ и на молодежь въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. По окончаніи университетскаго курса они обязывались сообщать другъ другу отчеты объ успѣхахъ своей дѣятельности и требовать подобныхъ отчетовъ отъ товарищей, чтобы не давать никому изъ нихъ предаваться гнусному бездѣйствію [1]).

И такъ, говоритъ Вл. Мицкевичъ, родина была первой любовью отца моего. Уже въ самомъ началѣ своей университет-

---

ніяхъ виленскихъ студенческихъ кружковъ встрѣчаемъ символическія наименованія и обряды. Таковы, напримѣръ, наименованія въ родѣ Arcy, подъ которымъ разумѣлся глава общества, студенческая обѣдня, студенческій декалогъ и т. п.

[1]) Свѣдѣнія эти объ обязанностяхъ филоматовъ взяты изъ сочиненія И. Здановича „Pamietnik o Filomatach o Filaretach“, напечатаннаго въ парижскомъ изданіи „Biblioteka ludowa“.

http://rcin.org.pl

ской жизни онъ поступилъ въ службу ея. И затѣмъ впредь, какое бы другое чувство ни зарождалось въ немъ, Адамъ Мицкевичъ никогда не забывалъ, что онъ не принадлежитъ самому себѣ. Кружокъ юныхъ заговорщиковъ былъ какъ бы собраніемъ мальтійскихъ рыцарей, дававшихъ обѣтъ посвятить себя лишь отечеству и добродѣтели и предвидѣвшихъ наслажденіе лишь по прошествіи тяжелыхъ испытаній.

Дѣйствительно, идея пожертвованія всѣмъ на пользу служенія отечеству начала ярко проявляться въ поэтическихъ произведеніяхъ поэта, начиная съ университетской поры. Уже въ одномъ изъ своихъ наиболѣе раннихъ романтическихъ произведеній „Żywila", напечатанномъ въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ „Виленскаго Еженедѣльника" 1819 года, онъ выставилъ землячкамъ, какъ примѣръ для подражанія, женщину, пожертвовавшую своей любовью для родины. Отъ подобной героини прямой непосредственный переходъ къ Гражинѣ и къ Валенроду. Мицкевичъ твердой ногой пошелъ по избранному пути, и никакія обстоятельства не могли его заставить сойти съ него. Зарождались и другіе интересы въ душѣ его, какъ напр. любовь къ Мариллѣ (гр. Марія Путкамеръ, урожденная Верещака), но они отходили на второй планъ. Не охладила его и перемѣна пребыванія, по случаю окончанія университетскаго курса и назначенія въ іюлѣ 1819 года на учительскую должность въ Ковенскомъ училищѣ. Мицкевичъ продолжалъ дѣятельную переписку съ своими виленскими друзьями-единомышленниками и по-временамъ ихъ навѣщалъ. Жизнь въ Ковнѣ тяготила его, и потому, при содѣйствіи Малевскаго, Мицкевичъ успѣлъ получить, въ концѣ 1821 г., для поправленія здоровья, годовой отпускъ съ сохраненіемъ большей части содержанія. Временемъ этимъ онъ воспользовался для изданія перваго тома своихъ стихотвореній.

Время для заговорщиковъ было неблагопріятное, ибо дурныя извѣстія изъ нѣмецкихъ университетовъ заставляли правительственные органы съ бо̀льшимъ, чѣмъ доселѣ, вниманіемъ слѣдить за поведеніемъ виленской университетской молодежи. Это однако не смущало филоматовъ и, продолжая свою пропаганду между сотоварищами, они рѣшили въ 1820 г. устроить новое общество изъ наиболѣе достойныхъ студентовъ. Оно было названо обществомъ лучезарныхъ (promienistych). Новое общество не было тайнымъ и представлено было на утвер-

http://rcin.org.pl

жденіе университетскаго начальства [1]). Уставъ общества требовалъ отъ приступающихъ къ нему нравственнаго поведенія и посвященія себя добродѣтели и наукѣ. § VIII указывалъ на то, что любовь къ отечеству должна состоять въ желаніи всего лучшаго народу и его отдѣльнымъ членамъ, а также почитаніи народныхъ обычаевъ, роднаго языка и отечественныхъ дѣяній. Все это было довольно невинно и не могло мѣшать видамъ правительства и препятствовать утвержденію общества университетскимъ начальствомъ. Но, къ несчастію, независимо отъ этого утвержденнаго 20 мая 1820 г. устава, существовалъ еще и другой, секретный. Занъ, руководившій прогулками членовъ новаго общества и излагавшій имъ на нихъ этическое ученіе о платонической любви къ отечеству и добродѣтели, долженъ былъ о каждой прогулкѣ давать отчетъ филоматамъ. Кромѣ того, выборные старшины отдѣльныхъ кружковъ, на кои дѣлилось новое общество, были допускаемы иногда и въ политическія тайныя бесѣды филоматовъ [2]).

Очень скоро послѣ этого, а именно осенью 1820 года, филоматы сдѣлали новый шагъ впередъ. Такъ какъ изъ толпы лучезарныхъ, которыхъ приманивали къ себѣ загородныя прогулки и пѣніе патріотическихъ пѣсенъ, не каждаго можно было посвятить въ тайну высшихъ цѣлей, то рѣшили изъ наиболѣе надежныхъ между филоматами образовать третье общество (Филаретовъ), не очень многолюдное, но за то болѣе надеж-

---

[1]) Въ книгѣ Влад. Мицкевича относительно опредѣленія времени основанія общества лучезарныхъ, господствуетъ большая сбивчивость. На стран. 47 сообщается, что это общество основано 10 апрѣля 1819 г., а на 51 стр. временемъ основанія выставлено 3 января 1820. Очевидно, авторъ надергалъ на скорую руку извѣстій изъ разныхъ источниковъ и не былъ въ состояніи ихъ провѣрить и согласить. Это даетъ понятіе о характерѣ его труда.

[2]) Нельзя сказать, чтобы и обыкновенныя, явныя, предъ глазами всего города, прогулки лучезарныхъ были всегда совершенно невиннымъ препровожденіемъ времени. На нихъ распѣвались патріотическія пѣсни, примѣромъ которыхъ можетъ служить сочиненная Чечотомъ пѣсня, заключавшая въ себѣ слѣдующее окончаніе:

„I Kiedy przyjdą, te lata
Że z litewskiego swiata
Powstanie zmarly Sarmata
Do Rzadu u do bulata
Powstanie z martwych Sarmata
I Krzywdy swoje polata“.

http://rcin.org.pl

ное. Это было посредствующее звено между филоматами и лучезарными, набираясь изъ числа послѣднихъ и составляя контингентъ для доставленія новыхъ членовъ филоматскому обществу. Новый союзъ былъ уже тайнымъ, и вскорѣ онъ имѣлъ до 200 человѣкъ. Секретный уставъ общества обнималъ 12 параграфовъ, изъ которыхъ послѣдній запрещалъ обществу обсуждать все, касающееся современной политики, религіи или правительственныхъ распоряженій. О предметахъ этого рода могли совѣщаться лишь одни филоматы. Въ каждомъ изъ кружковъ, на которые дѣлились филареты, былъ изъ числа ихъ начальникъ, наблюдавшій за порядкомъ и исполненіемъ устава. Филареты обязывались хранить тайну, но не были связаны, подобно филоматамъ, присягой. Наиболѣе убогіе члены общества помѣщались въ квартирахъ богатыхъ и получали отъ нихъ пищу.

Какъ и слѣдовало ожидать, подобное общество не могло долгое время оставаться неизвѣстнымъ. Свѣдѣнія объ организаціи молодежи дошли до попечителя. Скоро стали требовать у ректора объясненій и полицейскія власти. Малевскій былъ встревоженъ и началъ помышлять о выходѣ въ отставку. 3 (15) ноября 1821 г. Чарторійскій писалъ ему по поводу происшествій въ заграничныхъ университетахъ и поручилъ ему внимательно слѣдить за настроеніемъ умовъ, соблюдая должный тактъ и осторожность. Это предписаніе ректоръ, держась, какъ объясняетъ Владиславъ Мицкевичъ, болѣе духа приказаній, чѣмъ его формы, исполнилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Заномъ и прочими филоматами и начальниками филаретскихъ кружковъ и уговорилъ ихъ уничтожить собранія филаретовъ и лучезарныхъ, а также сжечь недозволенные уставы и другія бумаги, могшія компрометтировать участниковъ. Филоматскія бумаги не были однако предъявлены, и филоматы продолжали собираться по-прежнему.

Это не спасло ни Малевскаго, ни молодежи. Попечитель прибылъ въ Вильно и, напуганный разсказами профессоровъ о духѣ молодежи и объ обществѣ лучезарныхъ, назначилъ въ апрѣлѣ 1822 г. коммисію изъ профессоровъ Боянуса, кс. Клангевича и Лобойки (преподаватель русской словесности) для раскрытія общества и его цѣлей. Добрались и до филоматскихъ бумагъ. Въ маѣ ректоръ получилъ отъ попечителя выговоръ за утвержденіе общества полезной забавы (таково было оффиціальное названіе лучезарныхъ) безъ вѣдома высшаго началь-

http://rcin.org.pl

ства и приказаніе не допускать никакихъ новыхъ студенческихъ обществъ. Ему предложено было имѣть тщательное наблюденіе за поведеніемъ студентовъ Ѳомы Зана и Ѳеодора Лозинскаго, а также учителя Мицкевича, заподозрѣннаго, несмотря на его запирательство, въ принадлежности къ филаретамъ. Положеніе Малевскаго было крайне неудобное, такъ какъ отъ него требовали преслѣдованія организаціи, въ которой наиболѣе выдающееся участіе принималъ сынъ его. Оставался одинъ исходъ—выйдти въ отставку, что̀ Малевскій и сдѣлалъ. Въ ноябрѣ 1822 года онъ передалъ должность своему наслѣднику Твардовскому, бывшему доселѣ визитаторомъ училищъ Минской губерніи. Новый ректоръ намѣревался попытаться безъ шума очистить университетъ отъ накопившихся въ немъ опасныхъ элементовъ. Онъ разсчитывалъ при этомъ на свою ловкость и расположеніе къ себѣ Новосильцова и многихъ вліятельныхъ лицъ въ С.-Петербургѣ и Варшавѣ.

Филоматы видѣли, что продолжать далѣе пропаганду было уже чрезъ чуръ опасно, и стали подумывать о томъ, чтобы выбраться заграницу. Одному изъ нихъ, а именно Франциску Малевскому, это и удалось осуществить, такъ какъ онъ добылъ себѣ командировку въ Берлинъ для ученыхъ занятій. Другихъ кандидатовъ для подобной командировки, въ томъ числѣ и Мицкевича, университетскій совѣтъ отвергнулъ; поэтому, Мицкевичу приходилось подумывать о выѣздѣ на собственныя средства, которыя должны были увеличиться отъ распродажи вышедшаго въ 1823 году 2-го тома его стихотвореній [1]). Онъ началъ хлопотать и сначала довольно успѣшно, такъ какъ учебное начальство дало ему, во вниманіе къ разстроенному здоровью, на которое поэтъ ссылался, новый двухъгодичный отпускъ. Но получить заграничный паспортъ оказалось гораздо труднѣе. Надо было ожидать, пока окончится продолжительная переписка, начавшаяся по этому поводу съ полицейскими властями и даже съ Варшавой.

Не пришлось однако дождаться нетерпѣливо ожидаемаго паспорта, такъ какъ давно собиравшаяся буря наконецъ разразилась. Маловажное повидимому обстоятельство поставило полицію и учебное начальство на ноги, и сѣть тайной дѣятельности филоматовъ была наконецъ раскрыта. Что она была дѣломъ не шуточнымъ, авторъ цитируемой нами біографіи ни-

---

[1]) Въ этомъ томѣ заключались Гражина и 2-я часть Дзядовъ.

http://rcin.org.pl

сколько не скрываетъ. Онъ выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Сѣть филоматская опутала всю Литву, и достаточно было двухъ или трехъ филоматовъ, чтобы поднять въ странѣ возстаніе по знаку, данному изъ Варшавы. Приготовительный для того періодъ окончился". Нечего поэтому удивляться, что извѣстное виленское слѣдствіе по дѣлу филаретовъ приняло столь огромные размѣры, и нечего обвинять административное вѣдомство, что оно придало дѣлу значеніе. Оно лишь исполнило свой долгъ, и безъ этого Богъ знаетъ какія бы затрудненія пришлось испытать русскимъ властямъ въ Литвѣ, послѣ ноябрьской революціи 1830 г. Дѣлу приготовлявшагося мятежа былъ нанесенъ непоправимый ударъ, и польскіе патріоты имѣли основаніе злобиться и осыпать Новосильцова и его сотрудниковъ, въ родѣ Пеликана и прочихъ, всевозможной грязью. Но странно бы было намъ вторить этому, хотя бы обвиненія были высказаны и въ болѣе еще блестящихъ краскахъ, чѣмъ тѣ, которыя употреблены въ 3 части Dziad'овъ. Отдавая справедливость таланту, мы не должны однако терять изъ виду тенденціи, имъ руководившей. Новосильцовъ и виленскіе слѣдователи 1824 года ждутъ еще безпристрастнаго суда исторіи [1]).

---

[1]) Владиславъ Мицкевичъ употребляетъ всевозможныя усилія съ цѣлію выставить Новосильцова въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Онъ ссылается на отзывъ Греча въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 г. и помѣщенный въ томъ же изданіи отрывокъ изъ воспоминаній Пржецлавскаго. Но въ нихъ мы можемъ найти лишь кое-что, бросающее тѣнь на домашнюю жизнь Новосильцова, а это еще недостаточно для всесторонняго опредѣленія его характера. Что касается до приписываемыхъ Новосильцову въ виленскомъ слѣдствіи жестокостей, то указанія на нихъ, равно какъ и прочія обвиненія, частью исходятъ отъ людей пристрастныхъ, въ родѣ Лелевеля, частью опираются на немногихъ одиночныхъ случаяхъ, происходившихъ внѣ Вильны и могшихъ ускользнуть отъ вниманія Новосильцова. Вл. Мицкевичъ съ неудовольствіемъ сообщаетъ о томъ, что нашлись скептики въ родѣ г. Вл. Спасовича, заподозрившіе вѣрность описаній въ 3 части Dziad'овъ. „Заключеніе узниковъ, пишетъ г. Спасовичъ (см. 3 годъ изданія Pam. literacki imienia Ad. Mick.), не было столь тяжело. Дневное уединеніе вознаграждалось вечерними сходками у одного изъ товарищей. Никакихъ пытокъ не было". Еще яснѣе выступаетъ въ защиту Новосильцова варшавскій профессоръ Віержбовскій, указывающій намъ, что никто изъ заключенныхъ не заявлялъ о своихъ нуждахъ и претензіяхъ посылаемымъ для выслушиванія подобныхъ сообщеній ревизорамъ. Однажды лишь Ад. Мицкевичъ просилъ, чтобы ему прислали зубнаго врача. Вл. Мицкевичъ пробуетъ противуставить этому письмо къ ректору Твардовскому брата Занова,

http://rcin.org.pl

Поводъ къ знаменитому слѣдствію въ 1823—24 годахъ надъ виленскими тайными обществами подала надпись, сдѣланная въ маѣ 1823 г. на классной доскѣ нѣсколькими учениками 5 класса Виленской гимназіи. Надпись эта: „Да здравствуетъ конституція 3 мая. Какъ сладка о ней память, но нѣтъ никого, кто бы вспомнилъ о ней“ была замѣчена однимъ изъ учителей, который сообщилъ объ этомъ начальству. Начальство ограничилось домашними мѣрами, но почти чрезъ нѣсколько дней появились опять мятежныя надписи на стѣнѣ ограды Доминиканскаго монастыря и объ этомъ донесено въ Варшаву. Дѣло приняло не шуточный видъ. Ректоръ Твардовскій былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ, сознавшіеся въ первой манифестаціи, т. е. надписи на классной доскѣ, переведены были изъ карцера гимназіи въ тюрьму, и назначено строгое слѣдствіе. Послѣднее поручено Новосильцову, который съ этой цѣлью и пріѣхалъ въ Вильну 7 іюля 1823 г.

Подъ вліяніемъ Новосильцова слѣдствіе повелось весьма дѣятельно. Выплыла наружу крайне безотрадная картина настроенія воспитанниковъ во многихъ среднихъ заведеніяхъ округа, приведшая къ строгимъ наказаніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; показались, наконецъ, явные слѣды того, что чья-то рука управляла нитью въ дѣлѣ обращенія учащихся на путь нарушенія долга по отношенію къ правительству. У одного изъ студентовъ Виленскаго университета, Янковскаго, нашли въ бумагахъ протоколы тайнаго ученическаго общества въ Свислочьской гимназіи, устроеннаго виленскими студентами. Янковскій, будучи арестованъ, признался въ принадлежности къ обществу филаретовъ и назвалъ имена другихъ участниковъ [1]). Въ числѣ другихъ были названы имъ Занъ и Мицкевичъ, которые поэтому и были арестованы 23 октября.

Начались допросы, очныя ставки, и скоро число арестованныхъ достигло значительнаго количества, разсаженнаго по

Стефана. Но оказывается изъ этого письма, что авторъ его ничего не знаетъ о положеніи брата и боится невыгодъ заключенія на основаніи слуховъ, касающихся другихъ заключенныхъ. Но мало ли чего не разсказываютъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

[1]) Для насъ кажется не представляющимъ интереса изслѣдованіе факта, поведшаго къ аресту Янковскаго и дальнѣйшимъ раскрытіямъ. Желающихъ мы отсылаемъ къ труду Вл. Мицкевича (стр. 149 и слѣд.); см. также Wspomnienia z Przeszlosei Одынца стр. 258.

http://rcin.org.pl

большей части въ помѣщеніяхъ виленскихъ монастырей. Мицкевичъ и Чечотъ очутились въ Базиліанскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ Игнатіемъ Домейкой [1]) и Фрейендомъ, фигурирующими въ 3 части dziad'овъ. Занъ содержался въ Виленскомъ замкѣ. Изъ вліятельныхъ филоматовъ между заключенными не было лишь Фр. Малевскаго.

Отрицать существованіе студенческихъ обществъ оказалось невозможнымъ въ виду сознанія нѣсколькихъ его участниковъ. Пробовали было скрывать его настоящую цѣль, указывая на невинную задачу литературно-ученыхъ занятій съ цѣлью взаимнаго совершенствованія и вліянія въ этомъ отношеніи на прочихъ товарищей. Многіе, въ томъ числѣ и Мицкевичъ, отрицали принадлежность свою къ обществу и надѣялись, что существованіе филоматовъ коммисія не узнаетъ [2]). Вину во всемъ принималъ на себя Занъ.

---

[1]) Игнат. Домейко (Жегота Dziad'овъ) былъ впослѣдствіи ректоромъ университета С. Яго въ Чили.

[2]) См. допросные пункты Адаму Мицкевичу отъ 19 ноября 1823 г. и отвѣты на нихъ, помѣщенные въ приложеніи XXIV къ книгѣ Вл. Мицкевича. По поводу поведенія Адама на слѣдствіи сынъ его выражается слѣдующимъ образомъ: „Мицкевичъ въ своихъ отвѣтахъ поступалъ также, какъ и прочіе его товарищи, по взаимному условію, заранѣе состоявшемуся. Нужно было заботиться о безопасности своей и остальныхъ, и никому не приходилось быть искреннимъ по отношенію къ угнетателямъ. Можетъ быть, и настанетъ время, когда каждый полякъ, защищающій родину, будетъ смѣло высказывать москвитянамъ правду въ глаза, подобно тому,какъ христіанскіе мученики вели себя предъ римскими проконсулами. Но подобной сверхъ человѣческой силы духа поляки еще не выработали въ себѣ. Макіавелевское правило „bisogna volpe e leone“ практиковалось издавна въ Польшѣ, и Мицкевичъ могъ издать поэму, прославляющую подобный пріемъ (здѣсь очевидно, разумѣется, Конр. Валенродъ); иногда, впрочемъ, хитрость лисицы поляку не помогаетъ, и онъ долженъ, какъ въ народныхъ сказкахъ, превращаться изъ лисицы въ змѣю. Самъ Адамъ сознается въ этомъ, пиша о себѣ

„Pokim był w okuciach
Pełzając milczkiem, jak wąż ludziłem despotę“.

Впрочемъ, кромѣ подобнаго реторическаго оправданія лжи, соединеннаго съ бранными выходками противъ г. Вержбовскаго, напечатавшаго упомянутые допросные пункты, приводится и другое, адвокатское. Мицкевичъ, какъ филоматъ, не имѣлъ-де надобности записываться въ число участниковъ низшихъ союзовъ, т. е. филаретовъ, и потому не грѣшилъ противъ истины, отрицая свою принадлежность къ нимъ. Однако самъ же г. Вл. Мицкевичъ ранѣе сообщаетъ, что филареты были лишь орудіями филоматовъ и заправлялись ими. Во главѣ филаретскихъ кружковъ были филоматы. См. 66 стр.

http://rcin.org.pl

Но эта тактика мало помогла. Франц. Малевскаго, находившагося заграницей, т. е. какъ полагали, въ безопасности—забыли снабдить нужными инструкціями, а между тѣмъ по требованію варшавскихъ начальствъ, прусское правительство арестовало его 20 декабря 1823 г. и препроводило къ русскимъ властямъ. Доставленный въ Варшаву и лично допрошенный вел. кн., Малевскій выдалъ тайну существованія филоматовъ и сообщилъ, что цѣлью ихъ была реформа университета, неудовлетворительное состояніе преподаванія въ которомъ тяготило учащихся. Послѣ препровожденія Малевскаго въ Вильну и сообщенія его показанія прочимъ арестованнымъ, должны были и они подтвердить существованіе филоматскаго общества. А между тѣмъ, въ рукахъ коммисіи явились и непреложныя доказательства филоматской пропаганды, съ цѣлью далеко не похожей на ту, которую указываетъ Малевскій. Профессоръ университета Лобойко доставилъ печатную брошюру, озаглавленную „Opis jeograficzny czyli instrukcya do ukladania opisu Parafii“. Оказалось, что нѣкоторые изъ профессоровъ знали о существованіи этой брошюры, и слѣдственная коммисія, назначенная еще въ послѣднее время ректорства Малевскаго, по приказанію кн. Чарторійскаго (въ составъ ея входили Боянусъ, Клангевичъ и Лобойко), занималась отыскaніемъ типографіи, ее напечатавшей. Брошюра была перепечатана съ изданной еще въ 1812 г. по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія инструкціи для собиранія статистическихъ матеріаловъ. Но въ новой перепечаткѣ помѣщены были вопросы, которые съ перваго уже взгляда показывали, что имѣютъ въ виду не научную цѣль, а нѣчто другое. Такъ напримѣръ, требовались показанія относительно состоянія духа въ народонаселеніи и того, насколько состоятельны обыватели, имѣютъ ли они серебряную утварь, бриліанты и проч. драгоцѣнности. Подъ параграфомъ „обычаи и нравы“ требовалось сообщать, какова расположенность къ странѣ обитающихъ въ ней чужеземцевъ, и при этомъ особенное вниманіе должно было обращаться на евреевъ. Разумѣется, что подобныхъ вопросовъ въ министерской инструкціи не было. Цѣль ихъ очевидна, и Вл. Мицкевичъ не скрываетъ ее, радуясь, что отвѣтные листки не попались въ руки коммисіи. Очевидно, говоритъ онъ (стр. 165), литвины заняты были соображеніями о помощи, которую они въ состояніи доставить Царству Польскому въ нужную минуту. Дѣйствуя съ большой осторож-

http://rcin.org.pl

ностью, они предоставляли Варшавѣ выборъ минуты и заботились лишь о томъ, чтобы рѣшительный день засталъ ихъ надлежаще приготовленными. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 183) нашъ авторъ объясняетъ намъ, въ чемъ заключалась осторожность. Послѣ взятія Варшавы, говоритъ онъ, русскому правительству достались бумаги тамошнихъ заговорщиковъ, и раскрылась въ нѣкоторой степени тайна, которую проникнуть такъ упорно добивался Новосильцовъ. Оказалось, что Варшава настаивала на томъ, чтобы въ Вильнѣ дѣйствовали съ ней сообща, но предусмотрительный Занъ воспротивился искушенію помѣстить членовъ общества въ списокъ польскихъ заговорщиковъ и внесъ лишь въ него свое имя. Онъ ручался, что этого будетъ достаточно, и что, по указанію его, всѣ пойдутъ, куда призоветъ ихъ долгъ.

Если такъ, то какую же послѣ этого придавать цѣну увѣреніямъ, что виленскія тайныя общества имѣли лишь въ виду невинную цѣль научно-нравственнаго совершенствованія молодежи, что въ свое время распространялось въ виду облегченія ихъ участи, и возведенія на коммисію и на русское правительство обвиненія въ несправедливой жестокости. Жестокость эта тенденціозная выдумка и, какъ мы ранѣе указали, вопли о ней не подтверждаются провѣренными фактами. Можетъ быть, и были какія-нибудь одиночныя явленія, дававшія поводъ жаловаться на грубость мелкихъ полицейскихъ чиновъ и присматривающихъ за заключенными, но они падали на отвѣтственность лишь этихъ послѣднихъ, и являются случаемъ довольно обыкновеннымъ въ тюремной практикѣ повсюду. Вспомнимъ, напр., какъ отзываются французскіе коммунисты объ обхожденіи съ ними въ мѣстахъ заключенія или какъ часто раздавались жалобы на суровость и обхожденіе съ арестантами изъ привилегированнаго класса въ англійскихъ и нѣмецкихъ тюрьмахъ. Во всякомъ случаѣ, Вл. Мицкевичъ, не оставляющій безъ вниманія ни одного случая, дающаго ему возможность бросить камень въ русскіе порядки, не сообщаетъ намъ ни одного факта, который бы могъ показаться возмутительнымъ. Мы можемъ сочувствовать несчастному положенію увлекшейся и пошедшей по ложному пути молодежи, но это не даетъ намъ права обвинять правительство изъ-за того, что оно, видя опасность, усиливалось раскрыть, въ чемъ послѣдняя заключается. Слѣдствіе затянулось, но безъ надобности никого не держали въ заключеніи. Нѣкоторыхъ, чья вина и вредное вліяніе на про-

http://rcin.org.pl

чихъ не были значительны, выпускали на поруки уже въ февралѣ 1824 года [1]). Другихъ продержали нѣсколько долѣе, но затѣмъ освободили также, когда дѣло было окончено и слѣдственные акты отосланы къ начальству. Лишь трое, признанные наиболѣе опасными, а именно: Занъ, Чечотъ и Сузинъ оставлены были подъ арестомъ до высылки изъ Вильно. Впрочемъ, какъ видно изъ воспоминаній Одынца, и этихъ главныхъ коноводовъ содержали подъ арестомъ, по окончаніи слѣдствія, весьма снисходительно и разрѣшали товарищамъ и знакомымъ посѣщать и собираться у нихъ (см. Wspomnienia z Przeszlosei, стр. 283 и слѣд.). Мицкевичъ выпущенъ 21 апрѣля 1824 г. и оставался до рѣшенія судьбы своей въ Вильнѣ у пріютившихъ его пріятелей. Свободное сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было ни ему, ни выпущеннымъ изъ заключенія товарищамъ его, не запрещалось.

Описаніе реформъ, которыя по окончаніи слѣдствія и подъ вліяніемъ его результатовъ произошли въ составѣ Виленскаго университета, а именно замѣны ректора Твардовскаго Пеликаномъ и удаленія нѣсколькихъ заподозрѣнныхъ преподавателей, напр.: Лелевеля, Голуховскаго, священника Бобровскаго, Даниловича и Контрима, не входитъ въ наше описаніе, такъ какъ имѣется въ виду лишь дальнѣйшая судьба Мицкевича и тѣхъ его сотоварищей, съ которыми ему пришлось вскорѣ сталкиваться на новомъ мѣстѣ [2]).

Въ половинѣ мая протоколъ и заключеніе слѣдственной коммисіи были представлены Новосильцовымъ великому князю

---

[1]) См. Wspomnienia z Przeszlosei Одынца.

[2]) Какъ извѣстно, Лелевель поселился въ Варшавѣ, гдѣ принялъ участіе въ занятіяхъ сейма, Голуховскій также перебрался въ Царство Польское и впослѣдствіи жилъ въ своемъ имѣніи въ Радомской губерніи. Даниловичъ получилъ каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ съ 2000 р. асс. содержанія, что было для него въ то время весьма достаточно для веденія безбѣдной жизни. Бобровскій въ письмѣ своемъ къ Лелевелю 1829 г., помѣщенномъ въ I томѣ изданія Pamietnik Literacky imienia A. Mick. Tom. I, увѣдомлялъ его, что почти всѣ удаленные изъ Виленскаго университета устроились благополучно. Онъ жалуется лишь на неопредѣленность и тягость своего положенія, такъ какъ Жировицкое начальство поглядывало на него весьма косо. Почтенный профессоръ спрашиваетъ, нельзя ли ему получить каѳедру богословскихъ наукъ въ Варшавѣ или Краковѣ, не предвидя, что спустя нѣсколько лѣтъ ему придется сдѣлаться православнымъ священникомъ.

http://rcin.org.pl

и затѣмъ вскорѣ отосланы въ С.-Петербургъ Государю для разсмотрѣнія дѣла и постановленія приговора. Назначили коммисію изъ графа Аракчеева, министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова и самого Новосильцова. 14 августа 1824 года докладъ коммисіи былъ Государемъ подписанъ.

Польская заграничная пресса, а съ ея легкой руки и иностранная, не разъ сообщали о многочисленныхъ ссылкахъ въ Сибирь молодежи, замѣшанной въ виленскія происшествія. Ничего подобнаго въ приговорѣ нѣтъ. Лишь трое, т. е. Занъ, Чечотъ и Сузинъ, отосланы на жительство въ Оренбургъ. Остальныхъ рѣшено на казенный счетъ отправить во внутреннія губерніи Имперіи для опредѣленія въ соотвѣтственный ихъ подготовкѣ и способностямъ родъ службы или окончанія курса въ одномъ изъ русскихъ университетовъ [1]).

Удалявшіеся работники могли утѣшиться мыслью, что какова бы ни была въ дальнѣйшемъ ихъ участь, трудъ ихъ принесъ вожделѣнные для сердца ихъ плоды. Уже со времени слѣдствія отпоръ преслѣдователямъ народовой справы и сочувствіе къ арестованнымъ патріотамъ обнаружились множествомъ выходокъ, и это повело къ раскрытію въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Литвы тайныхъ кружковъ между учащимися и строгимъ взысканіямъ. Тѣмъ не менѣе, молодежь продолжала волноваться. Профессоръ С.-Петербургскаго университета Сенковскій, которому въ 1826 году поручена была Новосильцовымъ ревизія полоцкихъ учеб-

---

[1]) Вл. Мицкевичъ на страницѣ 183 говоритъ, что Занъ былъ послѣднимъ, которому правительство позволило возвратиться. Это не вѣрно. Уже въ 1843 году онъ и Чечотъ были на родинѣ, и Павловичъ въ своихъ Wspomnienia'хъ описываетъ данное въ ихъ честь празднество въ окрестностяхъ Новогрудка. Чечотъ, сдѣлавшійся угрюмымъ и раздражительнымъ фанатикомъ, получилъ мѣсто библіотекаря при дворѣ Гр. Хрептовича въ Щорсахъ и умеръ весной 1847 г. въ Друскеникахъ. Что касается Зана, то онъ, поселившись въ имѣніи брата, занялся сельскимъ хозяйствомъ, женился и умеръ въ 1855 году. На могилѣ его кн. Влад. Любомірскій поставилъ памятникъ съ надписью: „Любезный Богу и людямъ, благословенна его память“. Біографъ его, Л. Ходзько, опредѣляетъ его значеніе слѣдующими словами: „Принятіемъ Литвою участія въ 1830 г. мы обязаны Зану. Онъ первый посѣялъ сѣмена, для возращенія которыхъ нужны были примѣръ и сила воли. Олицетвореніемъ таковыхъ и былъ Занъ“.

Относительно дальнѣйшей судьбы нѣкоторыхъ другихъ высланныхъ филаретовъ будетъ упомянуто далѣе.

http://rcin.org.pl

ныхъ заведеній, отзывается въ своемъ рапортѣ слѣдующимъ образомъ: „Вина во всемъ, что творится, должна быть возложена на начальство и преподавателей учебныхъ заведеній. Они поддерживаютъ въ учащихся патріотическій, непріязненный правительству духъ. Учащіеся, предоставленные себѣ, не наблюдаемые, имѣютъ возможность тайно собираться, читать и пѣть возмутительныя стихотворенія и доходятъ до крайнихъ предѣловъ своеволія и непослушанія“ (мѣсто это на 181 стр. приведено Вл. Мицкевичемъ изъ соч. Шолковича о тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западныхъ губерній. Вильно, 1870).

Итакъ, къ концу 1824 года, т. е. къ тому времени, когда Мицкевичу пришлось выѣхать въ внутреннія губерніи Имперіи, онъ уже успѣлъ блестящія свои природныя дарованія употребить на пользу дѣла, приверженность къ которому развивалась въ немъ съ ранняго дѣтства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже заявилъ себя произведеніями, давшими ему авторитетное положеніе въ глазахъ земляковъ, особливо младшаго единомысленнаго съ нимъ поколѣнія. Здѣсь зародышъ его будущихъ взглядовъ на Россію и русскій народъ. Послѣдняго, впрочемъ, онъ еще почти не зналъ, ибо не приходилъ въ соприкосновеніе съ массой русскаго общества. Успѣютъ ли разрушиться его предубѣжденія, составленныя по тѣмъ немногочисленнымъ сношеніямъ съ русскими служащими, которыхъ пришлось ему встрѣчать въ видѣ враждебной его планамъ силы въ родномъ ему околодкѣ, — должно было зависѣть отъ новыхъ его впечатлѣній, къ описанію которыхъ мы должны теперь перейти.

А. КОПЫЛОВЪ.

(До слѣд. №.)

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl